

27 августа — День советского кино

В сентябре исполняется 90 лет со дня рождения всемирно известного советского кинорежиссера, драматурга, писателя, критика, публициста, педагога лауреата Ленинской и Государственных премий Александра Петровича Довженко.
...Расскажу об истории одной фотографии. О том, где она снималась, когда и кем — пока не узнать. Возможно, не придется узнать и вовсе. Но дело не в этом, а в том, что она может рассказать...

«МУДРО, ЯСНО, С УЛЫБКОЙ»

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

...1972 ГОД, лето. День прохладный, но дел неавторитет, и потому кажется, что он жаркий — близится приезд белорусской писательской делегации на празднование 80-летия Янки Купалы и Якуба Коласа, и мне — литературному консультанту Ленинградской писательской организации — многое надо успеть! А тут этот телефонный звонок совсем не кстати! Снимаю трубку, слышу мягкий старческий голос с едва заметным украинским акцентом: «Это говорит Яков Назаренко... Вы, наверное, про меня не слышали...» Нет, слышал. О друге детства Александра Петровича Довженко мне не раз рассказывала жена кинорежиссера Юлия Ипполитовна Солнцева, называла его среди тех, чьи воспоминания о Довженко особенно интересны и колоритны. К тому же я не раз читал статьи и рецензии в ленинградской периодике, подписанные «Яков Назаренко». «А вы давно в Сосницах были?» — вопрос, что называется, с места в карьер. Отвечаю, что год назад, примерно в это же время. «А я уже давно... Как она, наша с Сашко Сосница-роскошница?»

«Наша с Сашко!» Мне и раньше, еще в студенческие годы, когда собирал материал для дипломного сочинения на тему «Публицистика в творчестве Александра Довженко», приходилось беседовать с людьми, лично знавшими Александра Петровича, но все их воспоминания относились, как правило, к послевоенному периоду, «Сашко» для них — это псевдоним молодого художника-карикатуриста украинской периодики середины 20-х годов. Знаю, что так называли Довженко и его близкие приятели, но друг детства — всем друзьям друг! Друг, ровесник, сосед и, говорят, даже родственник, правда, очень дальний. Но не в том ведь дело — все детство вместе вплоть до августа 1911 года, когда гордый своим сыном крестьянин Петр Семенович Довженко собрал его в дальнюю дорогу (а по нашим современным понятиям — совсем не дальнюю) — в город Глухов, в Учительский институт. А Якову Антоновичу, Яшуку, как его ласково называл Довженко, иной путь предстоял — в Петербург. Ездить ему придется немало, подолгу будет жить в Полоцке, и в Сосницу и Москву звать его будут доbbenковская дружба и память детства, однако тот давний отъезд явится окончательным: вся дальнейшая судьба Назаренко связана с нашим городом, с Петроградским, а потом Ленинградским университетом, с бывшим Институтом истории искусств, с ленинградскими литераторами, журналистами, издателями... Долгая у него будет жизнь, переживет он не только ровесников, но и учеников своих, которые для нашего, послевоенного

поколения уже были ветеранами литературы, периодической печати и высшей школы. Вот — три сферы, три среды, которые Назаренко хорошо знал и которые его хорошо знали.

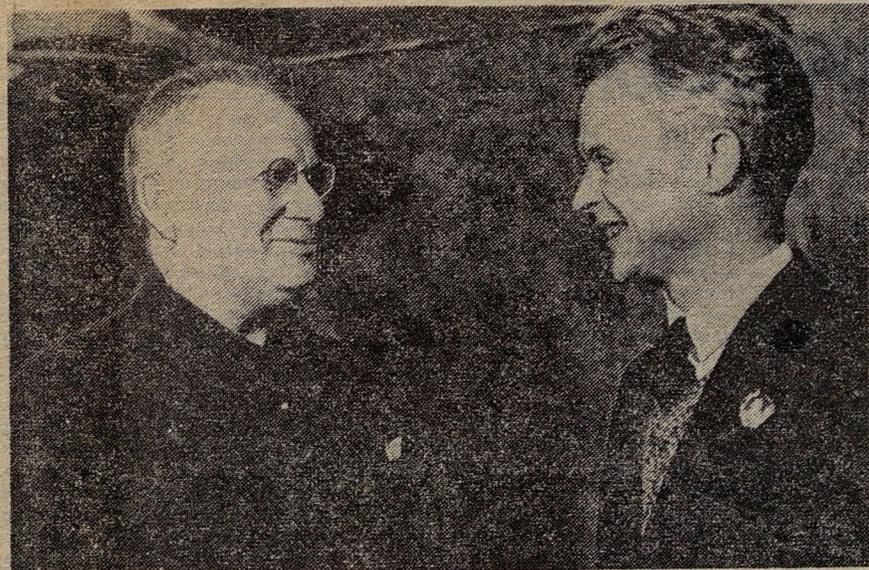
Это все, конечно, узнал я потом, встречаясь с Яковом Антоновичем. Жаль, что встреч таких было всего три. Первая из них — вскоре после того памятного телефонного звонка, осенью. Я только что вернулся из Киева, и Яков Антонович без конца расспрашивал о городе, о его новизне, о новостях литературных, о новых именах. А я-то думал, что услышу рассказы о временах давних, о Соснице начала века, о детских годах Довженко. Яков Антонович, словно угадав это желание, предупредил его: «Вот вам папка, рукопись. Еще не знаю, как назвать и как жанр определить. Назовем пока просто — книгой о Довженко. Нет, нет, это не монография и не цикл статей, но, верно, и не повесть, хотя Сашко и верил в меня как в писателя. Он мне так и говорил: «Если надумеешь, Яшуку, писать книгу, то пиши мудро, ясно, пиши с улыбкой».

Когда я взял в руки рукопись, то сразу понял, что создавалась она не один год, а может быть, даже десятилетие — бумага уже пожелтела, большие машинописные буквы зачастую читались с трудом.

Вернул рукопись быстро, прочел ее залпом. Лично для меня особенно нового ничего не встретилось, за исключением первых страниц пятидесяти — о детстве, о том, что окрашено светом неповторимых воспоминаний. И опять, как в первую встречу, — разговоры, разговоры... Как пролетело время — не заметили. Уже уходить собрался, стою на пороге, а Яков Антонович вдруг что-то вспомнил — подождите, говорит, я сейчас вам редкую фотографию принесу, если найти сумею. Через несколько минут возвращается из комнаты с торжественным видом и держит в руках ЭТУ фотографию: «Узнаете?» Как не узнать! Довженко! Молодой, счастливый, красивый, как всегда, и — гордый — ведь это же 1935 год, год награждения Довженко орденом Ленина.

«Значит, — говорю, — датируем снимок временем после 27 февраля 1935 года. А судя по тому, что на вешалке — фетровая шляпа и демисезонное пальто, — уже весна». Яков Антонович еще раз посмотрел на фотографию, улыбнулся и сказал: «Что ж, логично, но ведь мы не знаем, когда точно сделан снимок. Читайте же скорее, что написано на обороте фотографии!»

Читаю: «Дорогому другу далекого прекрасного детства Якову Назаренко с любовью А. ДОВЖЕНКО 1935-XI-21».

Его, Довженко, почерк! Рука узнается. Перед глазами проносятся известные мне автографы Александра Петровича — и те, которые я видел в Центральном государственном архиве литературы и искусства, и те, которые мне показывала Юлия Ипполитовна Солнцева, и фотокопии доbbenковских записных книжек, и альбомы, и монография Инны Золотоверховой и Геннадия Коновалова «Довженко — художник»...

Двадцать первого ноября 1935 года... «Яков Антонович! Но ведь она ведь в этот день подарена, а сделан снимок мог быть и весной? Окончательную дату снимка нам установить так и не удалось, и разговор сразу перешел на тему другую, куда более важную: о втором участнике запечатленной на фотографии встречи — замечательном советском дипломате ленинской школы Максиме Максимовиче Литвинове, который с 1930 по 1939 год возглавлял Наркоминдел. Таким образом, перед нами дружеская, явно не официальная встреча народного комиссара иностранных дел Страны Советов и прославленного кинорежиссера, только что закончившего или завершающего «Аэроград» (первый просмотр фильма состоялся в августе, выпуск на экраны — 6 ноября).

Наш с Яковом Антоновичем разговор новолно переходит на тему, связанную с дипломатической службой молодого Довженко. С июня 1921 года до апреля того же года он — управляющий делами полпредства УССР в Варшаве, с апреля до августа следующего года — секретарь консульского отдела полпредства УССР в Берлине. А Максим Максимович Литвинов? С 1921 года по 1930-й — заместитель наркома иностранных дел. 30 декабря 1922 года — провозглашение СССР. Наркомат становится союзным, фактически Литвинов — прямой начальник Довженко до сентября 1923 года, до перехода Александра Петровича на газетную работу. Тогда ли они познакомились или позже, в Москве, куда Довженко переехал летом 1932 года из Киева, или же знали друг друга заочно, а потом встретились как добрые приятели — и так бывает. Где же они встретились? Обстановка, повторым, явно не официальная. Может быть, — редакция первой московской квартиры Довженко? Вешалка явно не общественная, маленькая — на семью, скорее всего.

А вот что мог сказать Литвинов Дов-

женко, попытаюсь угадать! «Ну, что, Александр Петрович? Не стали дипломатом, ушли из наркомата?.. И все-таки продолжаете им, дипломатом, оставаться — ваши фильмы, как полпреды советского искусства, идут на экранах разных стран, радуя друзей, вызывая злобу у врагов. Так что вы и сейчас на дипломатической службе...»

Напомню, что в августе — октябре 1930 года Довженко побывал в Праге, Берлине, Париже и Лондоне. Годом раньше он выразил протест немецкой прокатной кинофирме «Прометеус», которая перемонтировала его фильм «Звенигора» и «Арсенал», искажив авторский замысел и нарушив художественную ткань произведений. Этот редкий документ широкому читателю неизвестен. За неимением места его здесь цитировать не станем, но подчеркнем, что он представляет не только страстную публицистическую отповедь буржуазным дельцам от кинематографа, но и безукоризненный по форме документ, написанный дипломатом.

Нет еще исследования, подводящего итоги тому, как фильмы и книги Довженко шли полпредами по всем пяти континентам и продолжали завоевывать сердца миллионов зрителей и читателей. Путь к такому исследованию долг и труден, но оно обязательно когда-нибудь появится. Вот почему фотография, о которой мы вам рассказали, имеет такое, можно сказать, символическое значение.

...В последнюю нашу встречу, весной нынешнего года, Яков Антонович выглядел неважно, ему стала изменять память, он жаловался мне, что мало успел сделать. Я не мог не возразить — а тысячи студентов, которых Назаренко выучил, а сотни рукописей, которые он старательно, любовно и доброжелательно рецензировал, а десятки опубликованных статей и рецензий? Разве этого мало! И наконец — повествование о Довженко. Оно все-таки увидело свет в журнале «Звезда» в майском номере 1976 года. Назвал его Назаренко «Сашко». (Из записок об Александре Довженко). И это лучшее, что написано о доbbenковском детстве, написано, как и завещал другу великий мастер, — мудро, ясно, с улыбкой.

Н. СОТНИКОВ

● На фотографии слева направо: народный комиссар иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов и Александр Петрович Довженко. (Публикуется впервые).